

Владимир Ермолин

Прогулки с Чарой

Из жизни
неправильного
пуделя.

Владимир Ермолин

**Прогулки с Чарой. Из жизни
неправильного пуделя**

«Издательские решения»

Ермолин В.

Прогулки с Чарой. Из жизни неправильного пуделя /
В. Ермолин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965050-4

«Прогулки с Чарой» — череда ежедневных историй и приключений из жизни карликового пуделя. В центре повествования собака, но у книги есть и второй план — быт и нравы московского двора, столкновения человеческих характеров, калейдоскоп смешных и печальных событий, все, чем полна сегодня наша жизнь. Книга сложилась из фейсбучных постов. Владимир Ермолин публикует их с 2014 года. За это время Чара стала звездой Фейсбука, а ее хозяин одним из самых читаемых авторов.

ISBN 978-5-44-965050-4

© Ермолин В.
© Издательские решения

Содержание

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ	8
ОТ АВТОРА	9
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Прогулки с Чарой Из жизни неправильного пуделя

Владимир Ермолин

Художник Анна Рыжова

Редактор Анастасия Березина

Корректор Марина Еремина

Руководитель проекта Валерий Выжутович

Благодарности:

Анастасия Литвинова

Татьяна Климович

Наталья Баранова

Елизавета Мазина

Эрнест Саттаров

Илья Родин

Инесса Мозгова

Мария Степунина

Елизавета Стрельцова

Юлия Чернышева

Мария Дудина

© Владимир Ермолин, 2019

ISBN 978-5-4496-5050-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЛАДИМИР ЕРМОЛИН

Прогулки с Чарой

ИЗ ЖИЗНИ НЕПРАВИЛЬНОГО ПУДЕЛЯ

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

У прозы и поэзии, в центре которых располагалась бы собака, такая давняя и мощная традиция, что, казалось бы, любая претензия на новое слово в ней – немислимая дерзость, граничащая с безумием. Особенность (она же и новизна) прозы Владимира Ермолина прежде всего в демонстративном отказе от всяческих подобного рода претензий. Эта проза жила – и жила, надо сказать, совсем неплохо, в вольном, свободном от каких бы то ни было обязательств пространстве социальных сетей. Как регулярный и благодарный читатель этих обаятельнейших сюжетов про «неправильного пуделя» и его не менее «неправильного» хозяина, сюжетов столь же забавных, сколь и поучительных, я всякий раз думал: «А вот книжку бы...» А вот, собственно, и книжка! Лично я очень этому рад. А если эту мою радость разделят со мной и другие, буду рад вдвойне. Впрочем, я в этом и не сомневаюсь.

ЛЕВ РУБИНШТЕЙН, поэт, эссеист

Я узнал Владимира Ермолина, когда он, оставив журналистику, стал сетевым писателем. И с первых же прочитанных рассказов пришел в восторг, который с тех пор ничуть во мне не охладел. Он пишет вроде бы о своей любимой пуделихе, а на самом деле пишет нашу, современную российскую жизнь. Пишет блистательно, ярко, живописно. У него прекрасный слог, у него великолепное сюжетное мышление. Это настоящая и чистая читательская радость – читать его рассказы о Чаре. Что я и делаю, заходя на его страницу в Фейсбуке чуть ли не каждый день. Что и всем советую.

АНАТОЛИЙ КУРЧАТКИН, прозаик

Сетевая по происхождению проза Владимира Ермолина – это эскиз момента, калейдоскоп впечатлений. Это философия жизни в почти афористических выжимках. Приветливая диагностика бытия в духе философской прозы. Это собирательный портрет Москвы и москвичей, эпохи и среды. И это незаурядная личность автора, соучастником литературных прогулок (почти соавтором) которого стала прекрасная пуделиха Чара. Много есть всякого в социальных сетях. Но фейсбучный блогер Ермолин неповторимо обаятелен: по теме, по жанру, по интонации. Он делает из блогинга хорошую, умную, добрую прозу.

ЕВГЕНИЙ ЕРМОЛИН, критик, блогер, однофамилец

ОТ АВТОРА

Мне посчастливилось – со мной всегда рядом жили собаки. Помню себя совсем малышом. И тут же лохматое, кургузое, маленькое существо. Это Тузик. В доме моей бабушки он появился где-то в конце тридцатых. Прожил во дворе, в конуре, почти всегда на цепи, на суповых ополосках и хлебных корках долгих 22 года. У него была смешная для собаки страсть – он любил часами лежать на спине, уставившись в звездное небо. Это первым подглядел мой дед и, смеясь, называл его звездочетом. А потом и я устраивался с Тузиком перед конурой, и мы оба долго смотрели на небо. Был ли Тузик счастлив? Конечно. Но только тогда, когда все были в доме. Разлуку, особенно с хозяином, моим дедом, он переносил как большое собачье горе. Даже когда хозяин всего-то уходил на работу. Однажды в дом приехали люди в вонючих шинелях и увели хозяина. И настали черные дни. Дом обходили как чумной барак. Лишь ночью кто-то сердобольный приносил к воротам завернутые в газету хлеб, яйца, холодные котлеты или оставлял кастрюльку супа. И тогда Тузик, неизменно поднимавший ор в любых других случаях, когда чужой приближался к воротам, тут лишь взлаивал негромко пару раз. И бабушка уже знала, друг побывал у порога. Как Тузик сообразил не поднимать шума, поди догадайся. А потом пес исчез. Его долго искали. В моей семье тогда было немало тяжелых потерь. Но и эта была заметной. Бабушка ходила днями, звала его, расспрашивала встречных – городок маленький – вдруг видели. Потом догадалась. И действительно – серый комок терся возле городской тюрьмы. По ночам он выдавал там концерты – выл и подлаивал. Когда дедушка вернулся через четыре года, он рассказал, как был тронут, когда однажды в камере, после жесткого допроса, под утро услышал голос Тузика. Я бы мог много и долго еще рассказывать об этом маленьком существе, которое было и кануло в никуда. Это когда и БОльших-то существ мы не поминаем. И о нем бы уже хватит. Добавлю только. Когда бабушка принесла Тузика домой и стала прилаживать ему ошейник, заметила, что он, ошейник, закрепленный навечно на одну и ту же дырочку, свободно болтался на шее песика. Тот, оказывается, всегда мог унырнуть из своего хомута. Но две вещи держали Тузика на страже нашей семьи – звездное небо и нравственный закон внутри него. Когда я, посмеиваясь, сказал это бабушке, она задумалась. «А знаешь, – сказала, – в этом нет ничего смешного».

Теперь несколько слов о книге. Наверное, это дневник.

Почему сомневаюсь? Потому что отсутствует стройная хронология, присущая этому жанру. Скажу сразу, здесь много чего отсутствует. Единый сюжет, тематическое единство, дисциплина стиля, «мораль сей басни» ... Написалось как написалось. А вернее сказать, написалось как шагалось. Ведь сложился текст из шагов. Я его не кропал, согнувшись над «клавой» – я его вышагивал. Перенести эти «шаги» на бумагу или на экран компьютера – дело техники. Все главное сочинилось на улице.

При соавторстве карликового пуделя Чары.

А почему все-таки дневник? Потому что здесь есть события, люди, животные и многое другое, возникшее именно из ежедневных наблюдений. Ну или почти ежедневных. И дневник этот я вел на площадке Facebook, менее всего предполагая, что сочиняю какое-то произведение, достойное отдельного издания. И сейчас не уверен в том, что мой текст заслужил высокое право называться книгой. По сути своей, это воздушный встречный поток – мыслей, впечатлений, наблюдений, событий. Потому он и сопротивляется какому-либо упорядочению. Так, перетекая из года в год, несется по временам года. По одним и тем же. Как по кругу. Я даже абзацы лишний раз стараюсь не ставить, не желая хоть в малейшей степени подсказывать читателю, где мысль уже закруглилась и можно перевести дух. Пусть и вас ведет этот поток,

как ведет он и по сей день нас с Чарой. Может, он будет вам интересен таким, каким стал интересным для нас.

Пошел первый раз гулять со своим щенком карликового пуделя. Настолько в первый раз, что даже имя еще ему не придумали. Нам навстречу сосед со своим красавцем Артемоном, королевским пуделем. «Вот, – говорю радостно, – карликовый пудель!» Сосед взглянул на черный прыгающий клубок и сказал: «Нет, это у вас что угодно, но не карликовый пудель». И пошли они дальше. А мы остались. Я смотрел вслед красивому, модно стриженному пуделю и его статному хозяину и все не мог оторвать взгляда. Потом глянул вниз. Там, покачиваясь на кривых ножках, стоял щенок с опущенной головой. Выглядел он виновато, даже хвостиком не вилял. Я посмотрел на него и полюбил еще больше. «Не переживай, – сказал я ему, – карликчее не бывает». И мы пошли гулять.

Нам повстречалось самое страшное, что только могло привидеться щенку – ирландский волкодав. Громадный длинноногий пес, головой размером с моего щенка. С алым, свисающим из зубастой пасти языком. Ему было много лет. Он шел вялой, старческой походкой. Поравнявшись с нами, опустил голову и лизнул Чару. Язык полностью накрыл ее голову. Какое-то мгновение казалось, что ее проглотили. Но вот из-под языка выползли вытаращенные глазенки, а затем и челка, вставшая дыбом. Не сбавляя шага, ирландец проследовал дальше. За ним, раскланявшись с нами, хозяин-старик. Потом я заметил, что этот важный пес лобызает каждую, попадающую ему навстречу собачонку. Уверен, он вообразил себя Папой Римским и полагает своим долгом никого не обидеть отказом в благословении.

У кошек интересное отношение к моему щенку – завидят и садятся, поджидают. Вид при этом скучающий. Чара приближается на полусогнутых. Тянется носом и тут же получает быструю оплеуху. При этом кошка не шипит, не выгибает спину, она вообще не тратит никаких эмоций на кудрявое существо, продолжает сидеть, не меняя позы. Я все жду, когда опыт оплеух перерастет в осторожность, но картинка повторяется раз за разом. Хорошо бы разок получить не мягкой, а когтистой лапой, для науки. Но кошки не люди, они ни при каких обстоятельствах не превышают уровень необходимой самообороны.

Мой щенок обожает человечество. К первому встречному с распахнутой душой. Весь его куций щенячий опыт говорит, что люди – лучшие собаки. Сегодня утром Чара наткнулась на предмет своего обожания, лежавший без движения в кустах. Подбежала ко мне и стала всем видом показывать – там такое! Ну, пошел. Прежде сонной артерии о жизни в теле возвестило замешанное на спирту дыхание. Я попытался придать телу более удобное положение, но оно, не открывая глаз, внятно послало меня гулять дальше. Щенок был в восторге, он влюбленно смотрел на алкаша, взглядывая и на меня, как бы призывая порадоваться – мол, смотри же ты, какая прелесть, лежит себе, никого не кусает! Нет, ну до чего же прекрасно оно, это человечество!

Опять щенок и я встретились с тем самым соседом, что не признал в Чаре породу. Хотя тщательно стараемся избегать с ним встречи. «Пудель, – сказал хозяин, – это – квадрат, а вы – прямоугольник». И пошел, считая тему исчерпанной. Это было нечто новое, о чем ни я, ни мой уже восьмимесячный щенок не знали. Какое-то время мы ковыляли молча. Потом я сказал: «За то время, что мы знакомы, я вывел породу – «любимая собака». И показал руками как это, примерно, выглядит – так и так. Получился прямоугольник. Чара подпрыгнула и чуть не укусила меня за нос. Что, трудно квадрат показать!

Щенка покусал большой барбос. Ну, как покусал – хватанул за ухо. Но Чара еще не умеет различать укусы – с ней так обошлись впервые. Если б умела говорить, наверное, сказала бы, что ей откусили голову. И вот она лежит в углу, смотрит в стену и нет предела ее разочарованию в этом мире. Я сел рядом и успокаиваю: «Ничего, с уха только все начинается...». И вдруг она вскочила и ну лаять на меня. Типа на фиг мне нужна твоя правда. Ничего, привыкнет. Я же привык.

Вода, снег сверху. Вода, снег снизу. Матовое пространство вокруг. Собака после пяти минут прогулки встала, как крестьянская лошадка у трактира, и ни туда, ни сюда. Встал и я. Природа подчинила и уподобила нас себе. Так мы и стояли, превращаясь в снег, воду и мато-

вое пространство. Морок утренней прогулки мы стряхнули с себя только дома. Чара спросила меня: «Что это было?» – «Весна», – ответил я.

Чара любит гонять голубей. Гонять кого-либо другого у нее не получается. Голуби не то чтобы разлетаются при ее появлении, а так – расступаются. Но и этого достаточно, чтобы пуделишка возвращалась ко мне с видом крутого охотника. Однажды она влетела на всех парах в стаю ворон. Те даже не расступились. Только ближайшая тюкнула нахаленка в лоб и вернулась к своим делам. Ошеломленная, Чара еще какое-то время сидела на земле. Но ко мне уже подбежала бодрая, с веселым хвостиком. Весь ее вид говорил: «Да это голуби не той системы попались».

«Да пойми же ты, наконец, эта твоя душа нараспашку, готовность в каждом видеть друга – не просто смешны, но и опасны. Хорошо, если в такой открытости углядят только амикошонство, плохое воспитание. А если агрессию? Сегодня люди больше поверят в твой злой умысел под маской добродушия, чем в твою искренность». Чара слушала меня внимательно, тараща глаза и высунув на бок язык. Но я не уверен, что она поняла меня до конца.

Впервые мы с женой надолго оставили Чару – уезжали в гости к сыну, в другой город. С ней осталась добрая женщина. Но собака почти все время лежала на моей кушетке и блестя глазами. Думаю, ее терзала самая обидная мысль – меня разлюбили. А для кого, скажите, она не самая обидная?

Как гололед, так подбираем с Чарой старушек. Хорошо, когда все обходится возвращением в вертикаль и отряхиванием. Как нынче. А то и «скорую» приходилось вызывать. Чтобы не стать жертвой гололеда, надо соблюдать всего лишь одно правило (все хорошие правила состоят из одного пункта): 1. Увидел сомнительное место – обойди его. Не тешь себя надеждой, мол, обойдется, не в этот раз. Мгновение – и ты уже в жизни совсем другого качества. Поэтому знай, ты обходишь, хотя бы и за квартал, не пять метров опасного пути, а пять месяцев больничной койки, костылей, тоски, нудного бессилия и боли. Бабушка, которую мы сегодня подняли, ухватила меня за руку и давай допытываться: ой, я не шейку бедра сломала? Я авторитетно сказал, что ничего она, похоже, не сломала. Оказывается, ее мать сломала в гололед шейку бедра в 70 лет и потом еще 20 лет провела в инвалидном кресле. Дочь, которой самой уже под 90, жутко боится этой травмы. Боится, а срезает дорогу засадными тропинками. Мы с Чарой подивились на старушку.

Гуляя, наткнулись с Чарой на остов снеговика. Недели две назад его слепили детские и взрослые руки, и он уверенно занял место в нашем дворе. И вот перед нами грязно-белый ком, уже утративший голову и туловище. А вокруг ни белого пятнышка, а даже наоборот –

зеленая, хоть и прошлогодняя трава. «Держись, брат, – сказал я убывающему снеговика, – уже летят на рысях белые снега, сверкают в ночи их серебристые клинки, вот-вот дрогнет оборона грязно-зеленых и будет верх белых. Тебе бы только ночь простоять да день продержаться». И мы пошли дальше. Но пошли не одинаково. Я, обремененный горьким опытом несбывшихся надежд, тяжело швыряя валенками в калошах. И Чара, на четырех веселых и быстрых лапах. Она, забегая вперед, влаивала в радостном предчувствии завтрашнего дня. А предчувствия, надо сказать, у моей собаки всегда радостные. И у всего мира будущее только радостное. В том числе и у этой кучи грязного снега. Над которой ее хозяин что-то бормотал по стариковской привычке.

Чара не любит, когда на прогулке кто-то отвлекает меня от нее. Она непременно, выждав минут пять, отстает, пристраивается за деревом и оттуда выглядывает одним глазом. Знает, вот сейчас я обернусь, всплесну руками: «Батюшки светы, а Чара-то где?» И ну вертеться во все стороны. Эта картина так ее радует, что она покидает свое укрытие и уже открыто, нетерпеливо переминаясь, любит паникой хозяина. Наконец, мой взгляд упирается в пропавшую собачку, и я изображаю великую радость. К этому моменту и восторг Чары достигает пика – она срывается с места и несется ко мне с хвостиком-пропеллером, расплескивая уши по сторонам – «Вот она я! Лови!» И прыгает прямо в руки. Сидя на руках, посматривает на человека, отвлечшего было меня разговорами, победительно. Мол, знайте свое место, господин хороший. И гуляйте себе дальше, без нас.

Наткнулись на птицу неизвестной нам породы. Она лежала на снегу, раскинув крылья. Я тронул ее – зашевелилась. Подняли, отнесли в подъезд, положили на подоконник. Обрато пойдём – заберем. Может, выходим. А пошли – нет на том месте птички. Форточка открыта. Улетела. Во как! И вспомнился, как это со мной нередко водится, «аналогичный случай». 1982 год, Центральная Атлантика, авианосный крейсер «Киев». На шкафут, на растянутый брезент, падает птица с растопыренными, почти голыми, без перьев, крыльями. Истекает кровью. Кто-то из боцманских прибирает ее к рукам. Птичка крупная, костистая. Еле жива. Только открывает и закрывает клюв. Мы подходим с лейтенантом Олегом Белевитиным. Он говорит матросу: «Неси за мной». Идем в медблок. Там доктор берет океанского бродягу и начинает над ним колдовать. Сидим в предбаннике. Открывается дверь, заходит начпо бригады – старший на борту. У него желудок больной. Спрашивает – занят? Ага, и честно поясняем, птицу чинит. Капитан первого ранга садится с нами и молчит. Через неделю Карлуша, так называли птичку, уже жрал за обе щеки и был любимцем боцкоманды. Док сказал – молодой альбатросик. Когда вошли в Средиземку, он как-то незаметно улепетнул от нас. Да, вот, вроде, была холоднющая война. И я в самом что ни на есть центре этой войны. Но вокруг меня были нормальные, добрые парни. Никакой ненависти к кому бы то ни было, тем более к животным, я на этом могучем орудии убийства не встречал... Прошли годы. Нет уже моего друга Олега Белевитина. Нет того капитана первого ранга, умер сразу по возвращению в Североморск. Да и многих уже нет на этом свете. А Карлуша, наверное, все еще парит над Атлантикой. Альбатросы из всех морских птиц непревзойденные долгожители. Парит и высматривает под крылом огромную посудину. С добрыми ребятами. И не находит.

«Ага, ага, даже так?» Доктор, не отрываясь от заполнения какого-то толстого журнала, поддерживал мой рассказ о самочувствии Чары немногословно, но доброжелательно. Нас привела к этому Айболиту небольшая ранка на задней лапе, образовавшаяся от рассыпанной по тротуарам соли. Ничего страшного, но лучше перестраховаться. «Интересно, интересно...» – это доктор. А я – подхватываюсь и рассказываю про другие случаи хромоты, хрипоты и прочей меланхолии скучающей в углу Чары. Консультация платная, деньги внесены, чего же теряться. И доктор такой внимательный попался. Поддакивает: «Да, знаете, бывает, да, да...». Я разворачиваю картину реабилитации. Доктор кивает головой: «Можно и так... Попробуйте...». Отчаявшись разговорить эскулапа, выдумываю, что в Израиле такие ранки исцеляют за один сеанс ультрафиолетовым лучом. «Да ладно?» Удивил. Доктор впервые оторвался от писанины. Посмотрел на меня секунду и тут же вернулся к прежнему занятию. Покинули клинику мы в добром расположении духа. Правда, доктор хоть и осмотрел ранку, но почему-то не обработал, как ожидалось. Да ладно, сами не безрукие. К тому же у нас есть чудная меховая обувка. Зато получили консультацию квалифицированного медика. За какие-то две тысячи.

Пса породы ка-де-бо зовут Локо. Он ходит в зелено-красном свитере зимой, а летом в шейном платочке того же колера. Этого грозного парня выгуливает десятиклассник Слава и четверо его друзей. Они шествуют плотной группой и редко кому уступают дорогу. Нам с Чарой с некоторых пор уступают. Было это в прошлом году. Повстречались мы с фанатами «Локомотива» на узкой дорожке в сквере. Их построение – с Локо впереди и свитой по бокам – ровный, уверенный ход, поднятые головы, их, как бы скользящие поверх суетного мира, взгляды – все говорило о том, что судьба наградила нас встречей с избранными. И тут бы, как все, соскользнуть на обочину, принять позу восхищенного смирения, да только моя Чара вдруг рванула к Локо и лизнула его в нос. Могучий пес от такого, как бы сказать, «здрасьте вам», так и присел, словно мертвой рукой обнесенный. Чарка же еще чуток попрыгала на его широкую грудь и побежала дальше. Вслед за ней, сквозь расступившуюся свиту проследовал и я. Можно сказать, дуриком проскочил. Так обрели мы с Чарой высокое право переть напролом при встрече с высокочтимым Локо и его свитой. Причем пес, едва завидев Чару, садится поудобнее, предвкушая, но напрасно – ветренная пуделиха моя больше безешки не раздает. Пробегает мимо, даже взглядом не одаривая.

Схлопотал замечание. Дело в том, что, не полагаясь на память и зрение, я, гуляя с Чарой, здороваюсь со всеми собачниками, с кем только не сведет случай. Впрочем, делаю это – здороваюсь первым – и в лифте, и в подъезде, и у мусоропровода. Хотя бы и без собаки был человек. Меня не убудет, зато не обнесу своим «здрасьте» знакомого. Да и незнакомого, думал я до сегодняшнего дня, уж, как минимум, не обижу. Но вот останавливает меня хозяин фокстерьера, сухопарый мужчина лет 60, с коим я раскланялся, и говорит такую речь: «Мы с вами не знакомы, а вы, я замечаю, уже не первый раз вынуждаете меня с вами здороваться. Неужели вы не понимаете, что вламываетесь в личное пространство чужого для вас человека? Не понимаете, что это неприлично? Вы, немолодой уже товарищ». Я извинился, и мы разошлись.

Чара заглядывала мне в лицо, пытаясь понять, чем я навлек на себя такой строгий и раздраженный голос. Поразмыслив, я сказал ей: «И поделом». И тут же поздоровался с надвигавшейся из сумерек фигурой.

Повальное увлечение шагомерами – приложениями для айфонов. По двору сейчас мало кто ходит, тем более праздно. Всех вынесло за периметр – на аллею общей протяженностью 4 км 143 м. Ходят быстрым шагом, собаки только поспевают, если коротконожки, а длинноногие вперед забегают, оглядываются довольные – им такой марафон в радость. В конце прогулки собираются в кучку и кумекают – сколько кто накрутил, с какой скоростью, какие килокалории сбросил. Особый сбор по утрам. Это отчеты за минувшие сутки. Упрутся головами, только и слышно: «Пять тысяч... Двенадцать тысяч... Шагов или метров? Так не путайте... У Рекса прирост три с половиной...». По привычке идентификация по именам собак. У них своя табель о рангах: кто накрутил больше ста км в общей сложности – сотники, кто тысячу – тысячники... В воздухе витает субординация, пока не обретшая четкие формы. Того и гляди взносы начнут собирать и резолюции выносить. Я зову их шагунами. «Шагуны вы мои, шагуны», – пошучу, бывало, следуя мимо. Замолкают, сектанты. И я уже чувствую отчуждение. Но мы с Чарой не очень-то грустим в единоличниках. Нам этот колхоз «Вместе весело шагать» не нравится. Это ж надо, говорю я Чаре, так испоганить прогулки с собакой. Она согласна. Она редко когда со мной не согласна.

Однажды кот Савва, молочный брат Чары (вместе из одного блюдца молоко лакали), улучил момент и сиганул в приоткрытую дверь на лестничную площадку. И надо ж такому случиться, что как раз в этот момент не очень умный пятиклассник Саша, пролетом выше, рванул петарду. Когда ахнуло и дым рассеялся, Савва уже был дома, в самом глухом углу, за диваном. И сколько потом мы с Чарой не объясняли коту, что мир состоит не только из глупых пятиклассников, Савва раз и навсегда оставил попытки раздвинуть границы своей городской среды обитания. «Не так ли и мы порой, – сказал я Чаре, – возводим свой личный горький опыт в степень необсуждаемой истины?»

Сидим с Чарой в скверике напротив школы. Веет мартовский снежок, пасмурно, тихо. Вдруг на стадион выбегают ребята. За ними шествует физрук. Ставит на столик магнитофон, включает и над стадионом и его окрестностями звучит голос Владимира Высоцкого: «Друг, оставь закурить, а в ответ тишина...». Школьники начинают разминаться. Мы смотрим на них и поеживаемся. Кругом еще снег, а они в одних трениках и футболках. Сам любитель Семёныча в теплой аляске и вязаной шапочке. Мы с Чарой не выдерживаем. Подходим к железной ограде, подзываем физрука. Молодой парень подходит, но неохотно: «Чево надо?» – «Молодой человек, – говорю я, – предупреждаю вас как доктор – на следующий день половина этих ребят слягут с температурой. Отвечать будете вы, я об этом позабочусь». Мои последние слова Чара сочла нужным подкрепить многозначительным «гав». Парень какое-то время молча смотрит на меня, что-то соображает. Чувствуется, ему есть что мне сказать. Придаю своему лицу максимальную насупленность. И побеждаю. Парень молча уходит. Потом что-то говорит трясутымся физкультурникам, и они несутся в школу. Высоцкий обрывается на словах: «Если

хилый – сразу в гроб». Мы с Чарой возвращаемся грустить на скамейку. Поймав на себе взгляд честной подружки, не выдерживаю: «Ну, не доктор, не доктор я. Что ж, иногда и соври, если это полезно для здоровья».

В этот понедельник, среди бела дня, тонул на Черном озере, что за кольцевой дорогой, доктор технических наук, автор сорока двух изобретений в области авиатехники, профессор авиационного института и хозяин болонки Фани.

Сразу скажу, тонул да не утонул. Как говорится, ничто не предвещало... Пошел проститься с апрельской лыжней. В свои 70 лет строен, крепок, жилист – волейболист и лыжник. Вот лыжи и привели его на середину пруда. Лед под ногами разошелся, и профессор оказался в ледяной воде. День рабочий, вокруг ни души. С одной стороны лесок, с другой пустыри. Но одна живая душа все-таки рядом вертелась. Это престарелая Фаня. Скулит, топчется. Подскочит к краю полыньи, лизнет красную руку хозяина и отскочит. Профессор признался мне, может и стоило орать во все горло, но боялся напугать Фаню. Прошло какое-то время пустых барахтаній, и он решил экономить силы. При этом грудью пытался надламывать лед, двигаться в сторону берега. Но страшно медленным был этот ход к спасению и в какой-то момент он понял, что смерть может его опередить. Уже и апатия накатила, и нега по телу прошла, и никаких рук не чувствовалось. Может и отошел бы наш ученый ко дну, да только вдруг вскричал от страшной боли в руке – это его кусала раз, другой Фаня. Вскинулся он, как в последний раз, грудью на лед и лед его удержал. И когда пополз – держал... Такая вот история. И все-таки конец у нее печальный. К вечеру того дня умерла его спасительница. Старая была, семнадцатый год шел. Видать, выложила все свои наличные силенки. До последней крошки. Ну, и нервный шок. Чем я мог утешить профессора? Только и сказал: «Она умерла счастливой».

В парке Кусково снимается кино из давнишней жизни. Сцена дуэли. Один в штатском, при котелке, при бакенбардах, другой вроде как гусар. Долго топчутся метрах в двадцати от барьера, воткнутой лыжной палки. Вокруг откуда-то набралось море зевак, это с утра-то, в понедельник. Идет тихий спор, Пушкин этот с баками или нет, и были тогда лыжные палки или нет. А если были, то какой фирмы. Но тут раздается команда «Мотор!» и дуэлянты начинают сходитьсь. Встали, замерли. Тишина мертвая, слышно, как хвоя падает на снег. Толпа не выдерживает. «Руку подними! Да не ту!», «Боком надо, боком!», «Не спеши, Пушкин», «Курок-то не взведен!», «Давай!»... С кресла вскакивает режиссер и кричит: «Стоп! Стоп! Мать вашу, уберите кто-нибудь этих идиотов!». Но убирать зрителей некому, видать, никого не наняли, экономя. И, побушевав, режиссер садится в кресло. Вернувшиеся в исходную, дуэлянты начинают вновь сходитьсь. Какое-то время народ держится, молчит. Но кто-то не выдерживает: «Да прикрой грудь-то...». И сразу: «Локоть выпрями...», «Боком, боком надо!»... Смотреть на это все нервов не хватает. Пошли с Чарой прочь. «Понимаешь, – говорю я Чаре, – в бок попасть труднее, чем в открытую грудь. Так и надо идти боком. Нет, прется побивахом, грудь нараспашку. А потом удивляемся, что хороших поэтов мало». Чара посматривает на меня со вниманием, вздыхает. Тоже переживает.

Шли с Чаркой из лесу, с грибами. На встречу Миша Д., московский асфальтовый магнат. С двумя охранниками. Бодигарды в черных костюмах, в белых рубашках с галстуками. А сам дал себе послабление – опростился до посконной рубахи и лаптей, правда, бутиковых. Я ему: «Привет, Миша». Он кивнул. Один охранник осмотрел мой кузовок. Другой было сунулся ощупывать на предмет оружия. Я отшатнулся. «Да ладно, – сказал Миша. – Сосед же. Бывай, Юрьич. Пока, Чарка». И они пошли дальше. По грибы.

Ворона следила за нами издалека. Когда мы с Чарой сравнялись с могучим кленом, на нижней ветке которого она сидела, окрестности огласило раскатистое «Карrrrrr». Моя пуделиха даже присела от неожиданности. Я же, продолжая путь, весело отозвался: «Кар-Карrrr». Сделал несколько шагов и получил сильный удар по макушке. Когтями и крыльями. А сбоку с клювом на перевес уже заходила вторая ворона... Как я мог забыть, у них же сейчас слётка. С ними не шути – птенцов опекают. Когда мы, тяжело дыша, заскочили в подъезд, Чара нервно твякнула мне в лицо. «Ты права, – сказал я, – видимо, мое „кар“ означало что-то обидное для ворон». Взгляд моей собаки выразительно говорил: «Никогда не пользуйся словами, значения которых ты не знаешь».

Дозик – совсем беспородный. Он прожил восемь месяцев в квартире наркомана Саши. Тот собачку не выводил на улицу, благо она ростом с кошку. Наверное, Дозик совсем бы зачах в ядовитой атмосфере, но тут Саша загремел на пару лет. Собачку взяла его тетя. Мы с ними иногда встречались. Сначала пожилая женщина злилась на Дозика, потом терпела, потом любила. А тут Саша собрался выходить и объявил, что заберет собачонку. Собака ему была не нужна, но он хорошо знал сестру своей матери. Запретил ей видеться с Дозиком, и потекла у бедолаги прежняя жизнь. На женщину было жалко смотреть. А тут встречаем радостную, с Дозиком на поводке. Все, говорит, уладилось. Обменяла свою двушку на однушку – а зачем мне две комнаты! – и выкупила Дозика. И ведь как удачно, однушка в этом же районе.

Мою Чару разлюбила собачья тусовка. Не вся, но... С некоторых пор у нас повелось гулять с мячиком. Чара сразу от подъезда бежит с ним в зубах и никого вокруг не видит. Признаться, мячик я придумал, чтобы отвлечь пса от изрядного обнюхивания весенней территории. Мало ли. А получилось так, будто моя пуделиха возгордилась и бегаёт мимо разных там Тоней, Шреков и Тубиков с неким социальным вызовом. Мне это объяснила владелица бобтейла Бумбанелы. «Владимир, – сказала уважаемая в наших кругах дама, – извините, но ваше университетское образование не стоило бы так выпячивать».

«А ваша собака какой национальности?» Дама, задавшая мне этот вопрос, была молода и элегантна. На руках она держала, как я первоначально подумал, йоркшира, правда, на ред-

кость модно ухоженного. Волосы длинные, шелковистые, с золотистым отливом. Это я про собачку. Но и хозяйка тоже ничего блондинка. Она смотрела на меня с улыбкой, и я понял, что со мной шутят. «Национальности, – сострил я, – американской». Едва взглянув на Чару, дама сказала:

«А моя Марфуша русская. Так и порода называется – русская салонная. Мы с мужем считаем, что у русского человека должна и собака быть русская». Признаться, я онемел. Даже междометия в голову не приходили. «А уж держать нынче собаку американской национальности...», – дама посмотрела на меня строго и ничего не сказала. Но я и так понял. Не дурак. Дома, едва разув Чару, кинулся к компу. И точно, есть такая порода – русская салонная! Значит, не приснилось. А Чара уже возилась с рыжим Саввой, за пятый пункт которого я бы не поручился.

У одинокой и тяжело больной сорокалетней Инессы лечащий врач – такса Клава. «Вы не поверите, – говорит женщина, – Клавка спасает меня уже седьмой год». Семь лет назад Инессе диагностировали смертельный недуг и отвели год, от силы два. И пошла она в свои четыре стены дожидаться исхода. А потом у ней появилась Клава – рыжая, вертлявая такса. Кто-то подарил. И вот уж пятый год – сверх срока. Инесса свято верит в «целебную ауру» собаки, в силу ее «биополя», в «старания ее души» и пр. И в этой вере ее поддерживает весь двор. А что еще остается делать, если лекарства, самые необходимые, съедали бы всю пенсию вместе с субсидиями. В месяц через ее руки проходит только 7450 рублей. Я как-то попытался «прицепить» ее к благотворительной программе одного благотворительного фонда. Но в последний момент она отказалась. И очень решительно. «Я уверена, – сказала мне Инесса, – как только у меня появятся деньги, Клавкин дар пропадет». Что на это ответишь, когда из всех возможных средств спасения тебе доступно только одно – твоя собака.

Зашли нынче с Чарой в глухое место и в момент оказались в окружении пяти злобных бездомных псов. Чара, едва завидев стаю, сиганула ко мне на руки. И на том умыла лапы – мол, давай, Вова, дальше сам, не дамское это дело со всякими хулиганами воевать. Вид у нее сразу стал отсутствующий, даже скучающий, уставилась в облака. Собаки хоть и были явными бродягами, выглядели упитанными и уверенными в себе. Все как на подбор здоровенные. Видать, старый парк их кормит и бережет. В таких ситуациях бывать мне приходилось. Самая худшая – это когда меня с трехлетним сыном окружила стая бродячих псов. В безлюдном месте, в сопках Заполярья. Тогда Господь послал отделение морячков, срезавших угол на пути в баню. Нынче морячки не предвиделись. А кудлатые архаровцы, глухо порыкивая, сужали круг. И что-то волчке сияло в их глазах, в низко опущенных холках, замерших хвостах. Медленно отступая, я прижался спиной к дереву. Никаких других вариантов, кроме как отбиваться ногами, у меня не было. И чем бы все кончилось, не знаю, но вдруг в кармане оглушительно всей мощью первых аккордов «Эгмонта», бетховенской увертюры, грянул айфон. Псы отпрянули всего-то на шаг, но мне этого хватило, чтобы нагнуться и схватить палку. Стая не то, чтобы испугалась, она просто потеряла кураж. Переглянулись разбойнички и растворилась в кустарниках. Да и то сказать, не с голодухи же помирали. «Вот, – сказал я Чаре, переводя дыхание, – люби классику, дорогая». Чара посмотрела на меня как-то равнодушно. И чуть ли не зевнула. Драматизм момента прошел мимо нее. Еще не было случая, чтобы я ее не защитил. У моей подружки просто нет опыта алармизма.

Среди публики, гуляющей с собаками в нашем дворе, есть один дядя, с которым я всегда согласен. Это, назовем его Дмитрий Палыч, человек с серьезными психическими отклонениями, что он любит удостоверять справкой из психдиспансера. И когда он берет тебя за лацкан пиджака и, оперев в твою переносицу два бешеных буравчика, спрашивает, например, что ты думаешь о выносе Владимира Ильича Ленина из мавзолея, ты незамедлительно отвечаешь: «То же самое, что и вы, Дмитрий Палыч». Сообщай я этому, весьма физически крепкому мужчине, каждый раз свое истинное мнение по актуальным вопросам внутренней и внешней политики, то, боюсь, ходил бы с Чарой как Щорс – «голова обвязана, кровь на рукаве». Дмитрий Палыч очень быстр на расправу с оппонентами. Это знает весь двор. Поэтому с ним всегда и все согласны. Вот думаю, существенный недостаток интернета в том, что туда валит общаться народ без справки от психиатра.

С ковриком в руках в лифт зашла дама. Как только он поехал вниз, дама стала встряхивать коврик. Мы с Чарой расчихались. Как бы испытывая неловкость от своих действий, дама сказала: «Давно лежит у дверей и хоть бы кто встряхнул». Потом вышла, взяла почту и поехала с ковриком вверх. Мы стояли с Чарой и смотрели ей вослед. Никаких подходящих слов у нас сразу не нашлось. Выйдя на улицу и жадно задышав свежим воздухом, я хотел было сказать собаке традиционное: «Бывает». Но подумал и ничего не сказал. Потому что такого не бывает, чтобы в лифте вытряхивали коврики. А вот было. Везет нам с Чарой на редкие явления.

Шарпея Якова мы с Чарой всегда обходим стороной. Завидев Чару, он ложится, вытягивая лапы, как лягушка, и вертит хвостиком. Моя огибает его метрах в трех и при этом никогда на него не смотрит. А нынче случилось нечто. Яков как обычно растянулся на нашем пути, пролив морду на лапы, а Чара, не сворачивая, наступила ему на голову и прошла по спине. Как по бревну. При этом, как всегда, смотрела куда-то поверх рыжего. Ни я, ни хозяйка шарпея такого цирка не ожидали. Не ожидал и Яков. Он ожил только тогда, когда Чарка уже спрыгнула с него и семенила дальше. Быстро поднялся и глухо, коротко тьякнул. Кажется, от восторга он не мог дышать. Уже дома я спросил собаку: что это было? Она ничего не ответила. Она и меня порой игнорирует.

Гуляли в парке и нашли под ногами связку ключей. Обыкновенное колечко, а на нем пять разновеликих железок. Время утреннее, безлюдное. Понятно только одно, потеря недавняя – совсем сухие. «Все одно гуляем, – сказал я Чаре, – так пойдем поищем растеряшу». Тоже, видать, с собачкой прогуливался. Через пять минут встретили старичка с ленивым бассетом. «Вот, – говорю, – кто-то ключики обронил». Показал ему связку. Старичок оживился: «Тут дама прошла. Давайте догоним». Стали догонять. Со скоростью ленивого бассета. Через полчаса, как ни странно, догнали. «Нет, – говорит, – дама. Не мои». Старичок уже к другим тянется. Не теряли? Нет, говорят и те. И к третьим неутомимый шлепает. Они, мужчина и колли, отмахнулись сердито и дальше пошли. Так, приставучей группой, бродили часа два

по обширным просторам Кусковского парка. Мы уж с Чарой и не рады были, что нашли эти ключи. Не рады были, если честно, и энергичному дедку с его неимоверно замедленным баскетом. Проще было бы тащить за собой бревно. Притомившись, сели на скамейку. Я достал ключи и стал рассматривать, примеряясь, а не закинуть ли их на середину пруда. Глянул и старичок. А потом вдруг стал хлопать себя по карманам, таращить глаза и наконец крикнул: «Оспаде Есусе, а ключики-то мои!». Интересное это время – старость. Все можно. Можно два часа ходить по слякоти, под мерзким дождем, и предлагать первым встречным ключи от своей квартиры.

«Уберите со скамьи вашу собаку!» Да, есть такая с нашей стороны вольность – Чара садится рядом со мной на скамейку. Правда, у меня в кармане в пакетике платочек, которым я после нее протираю скамейку. Отказать Чаре в удовольствии посидеть со мной в пустынном скверике и поглазеть на звездное небо, этого сделать я не в силах. Она привыкла к таким посиделкам еще с дачной лавочки, когда была совсем щенком. Да, так вот, меня просит убрать Чару со скамейки пожилая дама, худощавая, в черном пальто до пят и в черной же вязанной шапочке. Я вскакиваю с извинениями, достаю платок, смахиваю-протираю. Потом мы перебираемся к следующей скамейке. Дама садится. Я, неленивый человек, подсчитал количество скамеек в сквере, открытых моему взгляду, – четырнадцать. И все пустые. Кроме нашей. И той, где теперь сидит дама. Какой пустяк, а так много говорит о человеке. О характере, упрямо пронесенном через всю долгую жизнь.

«Лучше бы я не выходил из больницы», – вздыхал, поглаживая голову лабрадора Викентия, старик Л. Ф. Дома его ждала беда – исчезли старинные настенные часы фирмы Мозер. Часы его детства. Единственная вещь, знавшая его давно ушедших родителей, да что там – прадеда знали. Часы продала жена. Надо было платить за операцию и уход. Он понимал, жена так поступила от безысходности, но не мог смотреть на темное пятно на обоях и томился от тишины, особенно в полдень. У часов был глубокий, тягучий, мягкий бой. И ход стрелок Л.Ф. тоже различал. Они своим размеренным тиканьем говорили: «Не бойся, не бойся, не бойся...». Как в детстве. С этим и засыпал. А еще любил ощутить в ладони медную, весомую гирьку, и ту, и другую. И на доньшке одной из них его отец, еще молодым, нацарапал инициалы будущей жены – Н. В. И вот часов в доме не стало. От горя старик уверил себя, что и его времени не стало. Так, шелуха добирается.

А тут приехал к старикам правнук из Нефтеюганска Костя. Отругал, что ни про операцию, ни про деньги ничего не сообщили. Потом глянул на потухшего деда и сказал: «Не горюй, старче, вернем тебе твоего Мозера». «И что вы думаете, – говорит Л.Ф., – приносит Коська третьего дня часы. Мои! Точь-в-точь мои, только правую башенку успели отломить. Я едва в обморок не упал. Такой был праздник!» Посидели, помолчали. Я переживал радость старика как свою. Тоже к старым вещам привязываюсь. Вот. А потом слышу: «Да, а часы хоть и древние, а не мои». «Инициалы?» – догадался я. Он кивнул. И сразу сник. Косте он ничего не сказал, так и уехал тот в уверенности, что дед подмены не заметил. «А все-таки хорошо», – вздохнул Л. Ф. А что хорошо, пояснять не стал. Но мы с Чарой, подумав, с ним согласились. Хорошо, когда просто хорошо, а что хорошо – неизвестно.

Пенсионер Герасимец не любил свою собаку. Терпел. Жена, умирая, наказала кормить и выгуливать Мамуку. И тот честно выполнял наказ своей Марии. А что старый ротвейлер был старику не в радость, видел весь двор. Гуляли они всегда как бы порознь. Хозяин вышагивал, погруженный в свои думы, по дорожке. Пес ковылял где-то сбоку, метрах в десяти. Друг на друга не смотрели. Мы так с Чарой не можем. Если я задумаюсь и какое-то время не оглядываюсь, то она забегает вперед, становится поперек дороги и сердито на меня смотрит. Мол, ты что, а вдруг бы потерялась? Герасимец, судя по всему, потерять своего Мамуку не боялся. Он выходил из подъезда, не глядя на собаку, и возвращался, не глядя. А однажды, будучи нелюдимым и немногословным, выдал-таки из себя фразу по случаю смерти таксы Глаши: «Собака и есть собака. Что по ней убиваться». Единственно, когда зажгались глаза старика, это при виде своей машины – вечно молодого «Опеля». Гладил капот авто и говорил: «Вот моя собака». Стоявший рядом Мамука угрюмо рассматривал свои лапы. И вот заболел пес. Какое-то время еще выходил гулять, волоча лапы. А потом и вообще не встал. Видели, как Герасимец нес собаку в машину. Потом укатил. «Поехал Герасимец топить свою Мамуку», – невесело пошутил химик Виктор. Но мы ошиблись. Пенсионер с того дня только и делал, что мотался с болящим по ветклиникам. У пса обнаружилось какое-то сложное заболевание позвоночника. Наконец, сделали операцию. Мы все удивлялись, откуда у бедного пенсионера деньги на все эти вояжи и бесконечные процедуры. А операцию, поговаривали, вообще делал немецкий доктор, специально приглашенный. Прошло месяца два, и мы снова увидели во дворе хозяина и ротвейлера. Мамука не гарцевал, конечно, но топал на своих четверых. «А где ваша железная собака?», – спросил пенсионера кто-то из наблюдательных. «Пешком полезнее», – ответил тот. И они побрели, как всегда, соблюдая дистанцию и не глядя друг на друга.

К нам подошел малыш и сказал: «А у меня тоже есть собака» – «Какой породы?» – «Вевнетка». Пришли домой, а в голове все вертелась эта «вевнетка». Полез в интернет. Нет такой породы. Позвонил другу-собачнику – тоже не слышал. Вечером пошли гулять. У подъезда встретились с хозяином «вевнетки» и его мамой. Спрашиваю: «Как тебя зовут, сосед?» Отвечает: «Вавион». Да что ж такое! Но мама разъясняет: «Ларион». А, говорю... И мы пошли гулять. «Так-то, Чава», – сказал я Чаре и засмеялся. Она хмыкнула. Хозяин вевнетки, Вавион, нас уже не мог услышать.

Сейчас видели с Чарой падающую звезду. И вот ведь, знаешь, что никакая это не звезда, а так, пылинка из космоса, сгоревшая в нашей атмосфере, а фантазий. Чего-то вдруг стало жалко вечность. Мгновению дано сверкнуть звездочкой на небе, а ей – никогда. Лежит, раскинулась, невидимая в своем беспредельном пространстве, и шевельнуться не смеет, знак какой подать, чтобы заметили на земле, закричали: «Смотри, смотри вечность пролетела!» Не заметят, не закричат. И ни одно живое существо даже хвостиком не вильнет, хоть коснись она своей незримой дланью его мокрого носа. Так думал я, запрокинув голову в небо. Рядом, как всегда, подражая мне, тянула мордочку к звездам Чара. И вдруг вздрогнула, чуть отпрянула и, чихнув, завильяла хвостиком. Вечность ее коснулась.

«Цара, Цара, ох, она мне узнает! Как шшинок скачит». Маленькая старушка ласкает прыгающую на нее Чару. Когда отходим, мой товарищ по утренним собачьим прогулкам, хозяин пуделихи Мары, спрашивает: «Что за говор?» Я предположил – вятский. Надо же как-то подтверждать свое университетское образование. Но предположил не твердо. А тут как раз на встречу специалист, хозяин таксы Хорей. Помнится, он когда-то отрекомендовался филологом (не Хорей, а хозяин). Изложили ему предмет разговора. Я, как мог, передразнил старушку. «Вятский говор», – не дослушав меня, сказал филолог. Я распрямил плечи. «Надо же, – уважительно посмотрел на него хозяин Мары, сам химик по образованию. – А как же это вы так определяете?» – «Видите ли, – ответил наш образованный собеседник, – тут все просто, этим говорам присущи такие основные языковые черты, как смычно-взрывное образование задненёбной звонкой фонемы...». Мы хором сказали: «Как интересно» и учтиво раскланялись. Когда отошли подальше, я сказал химику: «Теперь вы поняли, с каким интересом я слушаю ваши былины о катализаторах и катализах?» Чара громко тьякнула. Не удержалась. Ей эти лекции по химии во где!

Сижу на скамейке. Чара стоит рядом, смотрит на уточек. К нам приближается молодая дама с мальчиком лет шести. Слышу он спрашивает: «Можно? Мам, можно?» Наверное, хочет погладить собаку. Дети любят Чару, а она их. Всегда радушно позволяет себя потрогать и даже немного потрепать. Пара поравнялась с нами и мальчик, сделав шаг к пуделихе, вдруг пнул ее. Удар пришелся под ребра и был болезненным – собака взвизгнула. Пнул и тут же отскочил под мамино крыло. Мама засмеялась, взяла его за руку. И они пошли дальше. Чара смотрела на меня. Ее взгляд спрашивал: «Укусить?» – «Нет, – ответил я тоже взглядом, – не стоит. Жизнь укусит».

Погоуляли с Мананой Георгиевной и ее болонкой Викой. Но расстались на этот раз слегка рассерженными друг на друга. Впрочем, это я – слегка. Старый педагог, кажется, не слегка.

Заговорили на тему «интернет и школа». Я сказал, какой это подарок классным руководителям – аккаунты учеников. Заходи, читай, анализируй. Манана Георгиевна возмутилась: «Владимир, вы это серьезно? А вас никто в детстве не учил, что заглядывать без спроса в чужие дневники неприлично?» Самой постановкой вопроса и тоном мне дали понять, что и клочка для компромисса в этом вопросе для нее нет. Нравственный авторитет Мананы Георгиевны для меня непререкаем. Но я заупрямился. Говорю, аккаунты, странички в сети – территория открытого доступа. Это не дневник из-под подушки, или из портфеля тайком тырить. А науку использовать интернет в работе педагога надо, говорю, преподавать отдельной дисциплиной в педвузах. «Вы, – сказала ледяным голосом учителька с сорокалетним стажем, – забываете, что любое вторжение в личный мир подростка возможно только в его присутствии и с его согласия! Этика педагога...». В этот момент я увидел, как ей тяжело дается общение со мной. И, зная о ее больном сердце, вежливо раскланялся со словами: «Простите меня, Манана Георгиевна, вы абсолютно правы». Но, отдаляясь от заслуженной учительницы Российской Федерации, я все же сказал Чаре: «Этично, не этично! Это у нас с ними цацкаются, а надо, как в старину

в Турции – заглянул в аккаунт, видишь, что преступник вызревает, и – с головой в чан!» Чара смотрела на меня вопросительно. Она «Джентльмены удачи» не смотрела.

«Слушай, Чара, – сказал я собаке, – зачем ты водишь дружбу с этим шалаберником Коксом. У него даже имя подозрительное». Чара и ухом не повела. Бежит, грациозно пружиня, спинка прямая, мордочку вытянула прямо по курсу. Она такая. В ее личную жизнь не лезь. А залезть охота. Кокс, метис неясных кровей, образ жизни ведет асоциальный – мотается свободно по району. Его хозяйева, муж и жена Мухины, живут на первом этаже. Через окно выпускают собаку, через окно впускают. Остальное время водку пьянствуют. Мне Кокса жалко. Но тревожит, что хорошая девочка, из приличной семьи что-то находит в таком типе. Ее компания – шпиц Эрик, йорк Даня, такса Глаша. А вот пролетает мимо них, если впереди где-то этот кудлатый, неухоженный Кокс. А мы как не выйдем, он тут как тут. Вроде случайно, вроде и на нас не смотрит. Ну, я-то папаша тертый. Не хочется давить на Чару. Она тонкая, все сама понимает. Дам ей время самой отличить зерна от плевел, истинное от настоящего и так далее. Как учит современная педагогическая наука.

Как известно, есть зимний дурак, а есть летний. Мне же посчастливилось водить знакомство с дураком демисезонным. Вот он подзывает Чару, протягивая ей какую-то конфетку. Моя собака из чужих рук ничего не берет и уж точно не интересуется конфетами. Она подходит к человеку из вежливости. У ней, замечу, врожденное уважение к любому человеку. Только потянулась к конфете носом, как она взорвалась бумажной мишурой. Обычная хлопушка – дернул за веревочки, она и бабах. Чара испуганно отскочила. А шутник заливисто расхохотался. Если бы Чара умела говорить, она бы спросила: «Дядя, вы дурак?» Как мальчик Сережа. Человек этот, несмотря на солидный возраст, патологически глуп. Делать ему замечания, что-то втолковывать, да и сердиться – пустое. Мы знакомы лет семь. И у меня было достаточно времени убедиться в этом. Но, что интересно, он всегда в отличном настроении, никогда ни на что не обижается. А еще – любит любую погоду, любое время года. И, знаете, этим он мне симпатичен. Наверное, сказывается то обстоятельство, что вокруг меня очень много людей невеселых, отягощенных какими-то напряженными думами, да просто сердитых. Вот и радуешься моему демисезонному весельчаку.

«Можно погладить вашу собачку?» Девушка склонилась над Чарой. «Можно, – говорю, – а для чего же она еще предназначена?» Осталось во мне это фантомное ощущение, что с девушками непременно надо пошутить. Та погладила терпеливо замершую пуделиху и пошла себе дальше. Чара, не взглянув на меня, побежала вперед. Все мои попытки подзвать собаку ничем не увенчались. Она даже не поворачивала головы. Начинаю идти я, снимается с места она.

Останавливаюсь. Она стоит, но смотрит вперед. Игнорирует. Все ясно – обиделась. Сел на скамейку и начал извиняться: ну, прости, глупость сказал, ты, конечно, не только красавица, но и умница, ты предназначена для многого – охранять дом, искать мои тапочки, играть с мячиком, гоняться за бабочками, делать все, что захочешь, ты – личность! Ну, прости меня! Чара поворачивает ко мне свою мордашу. Встает и медленно подходит. Садится рядом. Простила. Беда мне с этими девами.

У шпица Чапика обнаружили патологию митрального клапана. Нужна операция. И она стоит денег. У хозяйки Чапика кроме пенсии – ничего. Все это она рассказывает нам ранним утром. Собралось собак штук семь. Чапик стоит в сторонке, чуть покашливает. И Чара не лезет в общую кучу, как всегда. Держится рядом с дружкой детства. Показываю ему сушку – семеник ко мне, встает на задние лапы и тянется своей рыжей бурундучьей мордочкой. Слышу уверенный баритон хозяина овчарки Инги. Старый моряк, мой приятель. Он говорит так: «У нас тут две тысячи народу вокруг живет, собак за сотню будет. Короче, шапку по кругу! Анна Николаевна, вы координатор. Объявление я распечатаю, Наташка, Катя вам расклеить». Закипела работа. Это утром было. А сейчас, вечером, вышли с Чарой – хозяйка Чапика снимает со столба объявление: «Он у меня деликатный был. Вот, ушел, чтобы никого не беспокоить». Не успеваем. Часто, не успеваем.

Идем по аллее парка с Пыжиком и его болонкой. Как зовут болонку, не запомнил. А Пыжиком его мысленно прозвал еще зимой, когда он хвастался во дворе новой пыжиковой шапкой. Чара, всегда чутко улавливающая симпатии и антипатии хозяина, эту пару не любит. Что выражается в дистанции – бежит далеко впереди и не оглядывается. Поравнялись с рабочими-озеленителями. Сажают молодые клены. Пыжик подходит к одному из них: «Ну-ка, Будудлай, дай-ка лопату». Это у него манера такая – обращаться к незнакомым работягам как ни попадя. Нашего дворника Рахима может назвать Абдулой, Чингисханом или, вдруг, Максимкой, но никогда – Рахимом. Парень в оранжевой куртке протягивает ему лопату. «Прямее! – прикрикнул Пыжик на другого, что держит ствол дерева, – Прямее, говорю!» Кинул земли на четверть лопаты и отдал инструмент обратно. Победно посмотрел на меня: «Вот так-то. Сына сделал, дом построил, а теперь и дерево посадил. И не обязательно самому упираться». И заколыхался округлым пузцом. «Надеюсь, – сказал я, – хотя бы с сыном по-другому было». С тех пор, завидев нас, сворачивает в сторону. Что нас с Чарой совсем не огорчает.

В Кусковском парке мы с Чарой увидели настоящего волка. Его держали в какой-то сложной упряжи два мужика. Третий управлял светом. Четвертый держал сбоку щит. Пятый вертелся с фотоаппаратом. Фотосессия серого на фоне старинной усадьбы. Пошли дальше, а мне вспомнилось... «Сиди!» – сказал дядька. А как тут сидеть, когда к тебе в лодку запрыгивает волк. Мы возвращались с рыбалки. В эти дни, когда река разлилась по всей округе, рыбачить было, честно говоря, глупо. Пустыми плыли. На клочке невесть чего, то ли плывуна, то ли затопленной коряги переминался с лапы на лапу волк. Крупный, матерый. У нас дома, во дворе, был охотничий пес Урман, так он и до холки зверюге не достал бы. Похоже, у зверя что-то было с лапой. Он держал ее на весу. Да и выглядел истощавшим и ослабленным. Волк не искал спасения у человека. Он понимал, человек ему – враг. Потому, лишь глянув на нас моментом, отвернулся. Мимо ли проплывут, саданут ли огнем – их дело. Дядя, старый охотник, человек немногословный, всегда принимавший решения сам, подгреб к зверюге и тот несколько неловко, но сразу прыгнул в лодку. Сколько он простоял на трех лапах в окружении воды, неизвестно. Но, судя по тому, как его колотило – долго простоял. Дядька сидел на корме, тихо поджимая «Вихрь». Я же уместился на носу, закрывшись телогрейкой. Волчара сначала топ-

тался туда-сюда, потом присел на дно. Сказать, что он расслабился, да ни Боже мой. Его широкая, лобастая морда ни разу не опустилась на лапы. Желтые глаза не мигали. Было понятно, сунь ему руку – отхватит. Дядька мне пригрозил: «Сиди, зимогор, не дергайся!» Подогнал лодку к сухому берегу. Только она ткнулась бортом – волк тут же шмыгнул вон. Чуть припустил на своих троих, да вдруг остановился. Смотрел на нас. Он не понимал, как это – от таких двух, пахнувших бедой существ, да вдруг спасение. Несмотря на лапу, он был в своей силе, мог задрать любого из нас, но стоял и смотрел на лодку и двух людей. Ему что-то открылось. Что? Что-то... Мой дядя, мой любимый, давно умерший дядя сказал тогда: «Пусть живет». И этот его наказ я никогда не нарушил. Пусть живут...

«Съездил сейчас в Ашан, накупил продуктов на десять тысяч. Потом к приятелю, он черную икру толкает всего по 7 тысяч за баночку, люблю. Купил вот жене на 8 марта вазу богемского стекла, цветы заказал, букет привезут утром с курьером. Сверху пару тысяч и никаких забот. Удобно. Сейчас поеду Петьке, – он кивнул на бульдожку Петру, – немецкие ботиночки покупать». Попрощался с нами и пошел, потянув за поводок белобрысую упрямыцу. Мы, трое пенсионеров, угрюмо рассматривали своих четвероногих босоножек. А те замороженными взглядами провожали уходящую Петру. Воцарилось молчание. И надо было бы что-то сказать для приличия, но темы не находилось. «Ладно, – сказал бывший главный техник местной ТЭЦ, а ныне пенсионер, как сам себя окрестил, „дворового масштаба“. – Пойду». Старушка колли поднялась за хозяином. «Так, о чем это мы?» – попытался я как-то реанимировать беседу, которую мы вели, когда к нам подошел хозяин Петры. «Ни о чем», – не очень вежливо ответил другой пенсионер, бывший майор-ракетчик, проживающей с женой, дочерью и малюткой-внучкой в двухкомнатной квартире. И, свистнув свою двортерьершу, удалился сердитым шагом. Мы с Чарой остались одни. «Ты любишь черную икру?» – спросил я собаку. Она перебрала лапками и что-то пискнула, в смысле – не очень. «И я не очень. Так в чем же дело?!» И пошли мы домой.

У меня над головой с утра до вечера идет рабочий процесс. Чара забила под стол, лапами морду прикрыла. И уже не лает. Чего лаять, когда своего лая не слышишь. Судя по долбежу, сверлежу, визгу пил и мощному мату, со стапелей готовятся спускать «Гото Предестинацию», первый линейный корабль русского флота. Будь там что-то иное, ей—богу, давно бы уже поднялся туда с огнеметом. Но мысль о том, что терплю ради великого дела, утишает мою ярость и заставляет лишь сопереживать – успеют ли к 27 апреля, как установил Государь? Нынче стоим с соседом на лестничной площадке, погоду обсуждаем. Смотрю, поднимаются четверо бородатых мужиков, на плечах корабельная пушка. «Последняя, – спрашиваю, – пятьдесят восьмая?» – «Она самая, батюшка, – отвечает один, – она родимая». И посветлело у меня на сердце – скоро, значит, конец. А сосед и ухом не повел, все про похолодание талдычит. Ему-то что, не над его головой мощь Российского флота закладывается.

В твердом уме и ясной памяти, будучи ни в одном глазу, я встал на гироскутер. Уговорили ребята, с которыми по вечерам гуляем с собаками. Они так лихо носились вокруг школы, что любопытство над трезвым расчетом взяло верх. Человек не тупой, я усвоил короткий инструк-

таж и водрузился на доску. Сначала одной ногой, потом второй, постоял столбиком, втянув живот, и качнулся вперед... В сущности, ничего хитрого. Главное для таких, как я, не разгонтаться. Чара бежала сбоку, завернув голову в мою сторону, и заполошно лаяла. Потом мы с ней долго сидели на скамейке в тихой аллее, и я переживал свои новые ощущения. Что-то подобное, наверное, испытал мой далекий предок, впервые вступив на плавающее бревно. Оказывается и так можно передвигаться! Ни по возрасту, ни по здоровью, ни по деньгам мне уже не было дороги на эту орбиту. И все же я там побывал. И к великому множеству транспортных средств, коими пользовался во всю свою жизнь – от самоката на подшипниках до атомной подводной лодки – прибавил и это чудо техники. А весь вид Чары говорил: «Ну, Вова, я уже было простилась с тобой!». Ничего, смешная собака, мы еще летаем. Мы еще удивим старушек на скамейках. И самих себя.

Девочка Катя, хозяйка йорка Кути, рассказывает мне, какой нынче «жуткий дефицит ветеранов». А вечера мужества проводить надо. Учительница обещала даже какие-то немислимые блага тому, кто приведет на майские участника войны. Катя не без намека добавляет, что учителя на возраст фронтовиков смотрят сквозь пальцы. А что, надеть форму, кортик нацепить, надраить значок «За дальний поход» и пойти поведать юной поросли, как топил вражеские субмарины в северных морях. Надо выручать старых друзей по собачьим прогулкам. Однако удержался. Пусть седин прибавится.

9 мая. Раннее утро. Гуляем с Чарой. Вдруг откуда-то вывалился пьяненький мужичок. Согнулся в пояском поклоне, чуть не упав, и прочувствованно сказал: «Спасибо, батя, за Победу!». Нам с Чарой понравилось.

В электричке Александров – Москва мы с женой и Чарой ехали с симпатичной молодой парой. Они старались говорить необременительно для окружающих, но все же мое чуткое ухо различило английскую речь. Нетрудно было догадаться, что наши соседи интуристы. Одежда нынче ничего не скажет, но вот некоторая робость в движениях и какая-то легкая настороженность во взгляде выдавали в них уроженцев нездешних мест. А неожиданные крики коробейников вообще заставляли их вздрагивать и панически замирать в ожидании насилия. Словом, по всему было видно, что путешествие в русской электричке было для них авантюрой, сродни приключениям в пампасах. На подходе к Москве, когда вагон заметно опустел, парочка перебралась на теневую сторону. И мы тут же обнаружили на сиденье кошелек, выпавший из заднего кармана мужчины. Не мешкая, дабы не быть заподозренным в двусмысленной нерасторопности, я взял предмет и отнес его владельцу. Мое появление было встречено едва ли не испуганным взглядом обоих чужеземцев, но, увидев кошелек, они тут же засветились радостными улыбками. Я учтиво ответил полупоклоном и вернулся на место. Когда сел, увидел, что мои случайные попутчики оба стоят и смотрят на меня все с теми же сияющими лицами. Привстав, я поклонился. Они помахали мне руками и еще какое-то время ловили наши с женой взгляды, дабы одарить благодарными улыбками. Столь преувеличенную реакцию на достаточно простое действие я объяснил Чаре тем, что по каким-то причинам от нас ждали

другого – я должен был кошелек прикарманить, а Чара интуриста – покусать. Как славно, сказал я собаке, когда это в твоих силах – не оправдать недобрые ожидания.

Идем с Чарой пустынной аллеей парка «Радуга». Мечтаем (мы любим мечтать). Вдруг откуда-то вылетает пацан на скейтборде. Несется прямо на нас. За ним вываливается некто в униформе. Кричит: «Держи его! Держи, уйдет!». Парень, лет тринадцати, пролетает мимо нас с вытаращенными от ужаса глазами. Секунда – и он за горизонтом. «Ну, что же вы! – унимая одышку, начинает укорять меня охранник (а это охранник, судя по надписи на кармане). – Почему не задержали? Вам же кричали!» К нам не спеша подходит прилично одетый господин и говорит: «А он в сговоре. Возьми-ка у него документы». Через минуту выясняется, что строгий господин – пострадавший. В его машину, припаркованную где-то тут, за кустами, въехал «вот этот гаденыш». «А ты, – тычет в меня пальцем господин, – его не задержал. Значит, отвечать будешь ты». Тут тихо подкатывает полицейская машина. Чара замирает в ногах. Она почему-то трепетно относится к служебным авто и людям в погонах. К нам подходит капитан, козыряет, представляется. «Вот, – говорит капитану пострадавший, – этот даже пальцем не пошевелил...». – «Я все видел», – лениво отвечает капитан. И ко мне: «Ваши документы». Посмотрел паспорт, спрашивает: «Ну, что же вы не задержали парня?» – «Знаете, – говорю я полисмену, – у меня с детства такая привычка, не ставить подножку пацану, когда он убегает от милиционера». – «А милиционеру?» – улыбается капитан. Ну, тогда уж и мы с Чарой улыбнулись. Нам вернули документ, и пошли мы себе дальше. За спиной раздался раздраженный голос господина в дорогом пальто. Его перебил ленивый голос капитана: «А почему ваша машина припаркована в неполюженном месте? Ваши документы». Чара все время оглядывалась, пока мы покидали место события. «Шею свернешь», – говорю. Капитан ей очень понравился. Влюбчивая она у меня.

Он появляется на скамейке в сквере ранним утром. Разворачивает газету «Правда» и читает. В этот час здесь тихо. Никто ему не мешает. Однажды мы с Чарой сели рядом. Зная манеры пуделихи, я хотел было перехватить ее, но не успел, она плюхнулась между нами. Я извинился и стал ее прогонять, но старик проявил дружелюбие и потрепал Чару за холку. Так мы познакомились с Александром Савельичем. Впрочем, что значит познакомились, я и поныне почти ничего не знаю о нем, кроме имени отчества. А еще то, что каждое погожее утро он читает один и тот же номер газеты «Правда» за 9 июня 1971 года. «Вот, – говорит он, стуча пальцем по газете, – в Чили убили министра внутренних дел. Так и до Альенде доберутся». Или: «Второй день летают коммунисты Добровольский, Волков и Пацаев. Сегодня приступили к экспериментам на первой в мире пилотируемой станции „Салют“. Ни хухры-мухры». И смотрит на меня. Я киваю, в смысле, не хухры. Это тяжело больной человек. Его сознание застряло в прошлом, ни шагу за меловую черту 9 июня 1971 года. Он внешне совсем не страшный, тихий, вежливый. Мне сказали, что умом он тронулся лет 20 назад, когда потерял в автокатастрофе жену и взрослого сына. И вот доживает под приглядом сестры, такой же ветхой старушки. Так и не вернется из этого полета космонавты Добровольский, Волков и Пацаев, погибнув через 22 дня при посадке. Через два года будет убит Сальвадор Альенде. Но для старика они живы. Летают, строят социализм. И нескончаемо звучит речь тов. Кириленко на съезде Монгольской народно-революционной партии. А сегодня случилось маленькое чудо. Когда уже снимались со скамейки, Александр Савельевич положил руку на голову моей пуделихи и тихо сказал: «Чара – человек». Почему чудо? Потому что он никогда ничего не запо-

минал из нового мира, того, что после 9 июня 1971 года – ни-че-го. И за год нашего знакомства никогда не называл ни меня, ни собаку по имени. Когда мы шли домой, я сказал морде с сияющими глазами: «Чара, ты – человек».

Мы с Чарой нередко по утрам встречали на парковой аллее сухопарого бегуна с бородкой и длинными волосами, схваченными на затылке в пучок. Лет шестидесяти, ни больше.

А тут видим его на подходе к нашей новой церкви, в рясе, с рюкзачком на спине и на велосипеде. И он нас узнал. Улыбнулся и даже кивнул. Я шел и думал, что объявись сейчас Иисус Христос, то в Иерусалим он въехал бы не на осле, а на велосипеде. В футболке, трениках и адидасе. И лик имел бы вот этого веселого и добродушного пастыря. Во всяком случае, почему-то нам с Чарой именно этого хотелось.

После известной сценки в ООН, когда российский дипломат требовал от английского коллеги смотреть ему в глаза, наверное, неделю собачники в нашем дворе шутили, призывая друг друга смотреть прямо в глаза. В моей жизни были моменты, когда, с разной степенью настойчивости, меня призывали смотреть в глаза. Помнится, того же добивался от меня лейтенант Петров-второй, назначенный дознавателем по случаю пропажи литра шила (спирта) из каюты старпома. «В глаза смотреть, матрос, – кричал он, – в глаза, я сказал! Куда взял, отвечай! В глаза!» Уловив паузу, я сообщил лейтенанту новость из мира науки – нельзя человеку смотреть другому человеку в глаза, физически не получается, можно смотреть только в один глаз, по выбору, в правый или левый. Лейтенант осекся, по всему было видно, что эта информация его несколько смутила. Как так, его, лейтенанта, поправляет нижний чин. Его, отличника курса, и вот уже как два месяца – корабельного офицера. «Товарищ лейтенант, – сказал я. – Ну, попробуйте сами. Посмотрите мне сразу в оба глаза». И я впери свой наглый взгляд в переносицу Петрова-второго. Тот, немного помявшись, уставился на меня. И тут же опустил глаза. «Да, действительно, – сказал он тихо. – Вы правы». После чего я был отпущен с миром. А через два часа, проходя мимо каюты лейтенанта, услышал грозный мальчишеский крик: «В глаз! В глаз смотри мне, матрос!» Кажется, литр казенного спирта в тот раз так и не удалось отыскать.

Сидим с Чарой на скамеечке под елью. Внимаем дачному покою. Вдруг прямо перед носом мелькнула какая-то птица, за ней другая. Взмыли. Мы присмотрелись – ястреб сороку атакует. Она резко берет вниз и прямо на нас. Я аж инстинктивно руки вперед выкинул. Сорока брякнулась метрах в трех. Ястреб просвистал над нами и ушел за горизонт. Сорока сразу выпрямилась, встряхнулась и тоже сиганула, в другую сторону. «Вот, – сказал я Чаре, переведа дух, – умному и когти не нужны».

«Мальчик, – сколько тебе лет?» «Двенадцать, – ответила за него мама. – Что вы хотите от моего сына?» Они сидели на скамейке в скверике и напряженно смотрели на меня. Мальчик только что, ничуть не скрываясь, выстрелил из духового пистолета в Чару. «Духовка» игру-

шечная, пульки – пластмассовые шарики. Если только угодить метров с трех, то ощутимо. Мне знаком этот тип оружия. Ситуация никак не драматичная, хотя для меня и не комичная. Это неприятно, когда в твою собаку не то что стреляют, но даже целятся. А она стоит и просто душно смотрит в ствол, виляя хвостиком. Короче, я вспылел. Кто меня знает, уже замер в ужасе. «Мальчик, – сказал я. – Ты свой выстрел сделал. Теперь очередь за Чарой – так зовут мою собаку». Они молчали, ожидая дальнейшего развития моей мысли. Я повернулся к Чаре. Она все поняла. Опустив голову, тихо зарычала. «Пли», – крикнул я так, что у проходившей мимо старушки выпал из рук зонтик. Чара вскинула морду и гавкнула. «В воздух!» – сказал я. Мать и сын смотрели на нас ошарашенно, даже не улыбаясь. Не стали улыбаться и мы. Повернулись и пошли дальше. Много погодя, я все-таки счел нужным сказать Чаре: «Ты опять стреляла в воздух. Учти, великодушные становятся трусостью, если никогда не наказывать порок». Она вздохнула, но ничего не ответила. Ну, не любит моя собака дуэли. Что тут поделаешь.

День выборов. Идем с Чарой, а нам навстречу знакомый по собачьей площадке. На груди типа жетона «Я проголосовал первым!» Как первым, спрашиваю, голосование идет уже четвертый час. «Не знаю, – говорит, – выдали. Да вы не спешите, у них там целое ведро».

Взяли моду гулять в дождь. Мы придерживаемся с Чарой того мнения, что погода – не капельки да снежинки, а наше настроение. Оно хорошее и любая погода в радость. Нынче забрели под вековые дубы Кусковского парка. Сверху накрапывает, снизу парит и – ни души кругом. Нега позднего мая. Вдруг из кустов выскакивает мужчина лет сорока, по виду бегун за здоровьем. И сразу к нам: «У вас есть с собой смартфон... или что-нибудь... ну, телефон...». Возбужден до крайности. Мама дорогая, не кончается ли кто в кустах от инфаркта. Телефона у нас нет. Спрашиваю: «Что? Где? Ведите...». Хоть и не спец, но кое-что первичное знаю. Он как-то странно заозирался, потом кинулся обратно в кусты. Мы за ним, и Чара сразу залаяла. В голосе ее читались тревога и сострадание. Выскочил на полянку и там на дереве, на уровне плеч увидел белку. Она, словно прилипнув к стволу, как-то нелепо трепыхалась одной лапой. Когда подошел поближе, увидел, что вторая попала в зажим между двумя тонкими стволами, то ли случайный, то ли кем-то раскинутый под силоч. Глаза полные ужаса и боли. Сразу стал помогать зверушке, осторожно пробуя лапу на себя. И тут на меня вдруг накинулся этот физкультурник: «Не трогайте! Нельзя! Отойдите! Дайте телефон!» – «Да без «скорой», сами освободим», – пытаюсь я вразумить несчастного (так переживает). «Не надо освобождать, – не умирается тот, – сначала я сделаю селфи. Это же редкий снимок! Себе перекину...». Ну что ж, послали мы с Чарой доброго человека подальше. А Чара мои слова еще и веско закрепила клещами своей страшной челюсти. Потом белку отнесли в домик зоотехников парка. У них там свой ветеринар дежурит. Приличный этот парк, Кусковский. Нравится он нам.

На даче Чара носилась по периметру как пограничная миноносица с вьющимися на ветру ушами-вымпелами. И горе нарушителю госграницы – лая не оберешься. Возвращалась к нам на веранду, сияя победительным взглядом. А тут облом – нечто на двух тонких ножках, но с огромным клювом, вдруг не сигануло в сторону, а уперлось, изготовилось тукнуть Чару в лоб. И тукнуло бы, не выручи пуделиху природная прыть. Через мгновение она уже сидела

у меня на коленях, часто дышала и тряслась от пережитого ужаса. Ворона и не думала retirоваться, ходила деловой походкой по участку. Видимо, где-то рядом барахтался ее птенец. Чара, изнывая от затянувшегося возмездия, ждала от хозяина мужского поступка. «А что, малыш, – сказал я уклончиво, – не согреться ли нам стаканчиком-другим глинтвейна в этот промозглый майский вечерок?». И мы пошли к заждавшемуся нас камину. «В этом мире, – говорил я, стараясь как всегда быть предельно доходчивым, – есть тьма занятий, куда более достойных и интересных, чем преследование вороны и ее птенца». Чара ковыляла сзади, мелко потягивала и, кажется, не во всем со мной соглашалась.

«Не, ну дела! Ни фиги себе!». Это возмущается мой сосед Вася, здоровый детина лет тридцати. Чего это с утра-то пораньше? Оказывается... Выходит Вася спозаранку, чтобы сгонять на любимом «Мерсе» на рынок. Только было дверцу открывать, а его цап кто-то за рукав. Оглядывается, «старичок-задохлик с какой-то гусеницей на поводке». И говорит ему болезненный: «Уберите машину с газона и не смейте большее ее сюда ставить». Вася свои драгоценные слова (их у него и так немного) попусту не тратит – молча берет старичка за талию и переносит в сторону. Только опустил его на землю, как перед своим носом увидел дуло пистолета. Вася в таких делах спец. «Макаров», – сразу определил, – боевой, не травмат». Медленно допятился до машины, открыл дверцу, сел за руль. При этом не отводил взгляд от ствола, дрожащего в старческой руке. Потом закрыл дверцу и включил зажигание. «Не, ну охренеть и не встать, – не столько возмущался, сколько восхищался Вася, – уже пенсионеру слово не скажи, сразу шпалер в нос! Что за времена пошли!» Кто-то спросил: «А машина, Вася, где?» – «Где-где, – Вася дал рифмованный ответ, потом добавил, – на стоянке, где и положено, где». А старичка мы с Чарой знаем. Он из соседнего корпуса. «Гусеницу» его, таксу, зовут Машка. А сам он из бывших военных. Видать, именной в кармане носит. Как тут не вспомнить песню Слепакова про ветерана, «одного оставшегося от своего полка».

Не перестаю удивляться коту Савве. Даешь ему что-нибудь вкусное, он берет и относит Чаре. Только убедившись, что собаку это не интересует, съедает сам. Она может подойти к нему, когда он что-то уплетает из чашки. Встанет совсем рядом и смотрит в упор. Тот сразу же чуть отступает и ложится на бок, вытягиваясь, типа, пренасытился, пожалуйста, если это вам интересно. Чара лениво повыбирает что-то и уходит. Только после этого кот продолжает трапезу. Раз в неделю жена кормит их свежей телятиной. И это единственный момент, когда видно, как тяжело дается Савве его галантность. Но и тут он терпеливо пережидает аппетит Чары и только потом, когда она сыта, скромно приступает к своей порции. На даче он пару раз преподносил к лапам красавицы свою добычу, чем вызывал у пуделихи едва ли не обморочное состояние. Быстро все понял и таскал мышей только нам с женой. Они живут вместе уже третий год и характер их отношений не меняется. Кот обожает собаку. Она же его как бы терпит. В дикой природе, думаю, такой Версаль невозможен. Там еда – жизнь. А эти живут с человеком не одну тысячу лет, поднабрались наших манер и демонстрируют свое понимание великодушия и благородства. Да так, что иному джентльмену есть чему поучиться у таких как Савва.

Чара не побежала за мячиком. Проводила его полет равнодушным взглядом и не побежала. С ней такое бывает. Понятно, когда набегаешься, устанет. А то вот так, как сейчас – не хочу и все. А спортивный снаряд, как говорят комментаторы, между тем улетел в самые заросли, пойдя его доставай. А были мы в тот вечер немного не в настроении. Без особых причин. По Верлену – от того и хандра, что ни худа, ни добра. Ладно, сказал я, и мы пошли, оставив мячик в дубовой роще. Километра через два я сказал: «Он был хорошим другом, этот маленький, похожий на мандаринку, мячик-пузан, о, как он был предан тебе, как любил тебя, и вот лежит сейчас один в черных зарослях, темно и холодно вокруг, уже чьи-то злые глаза светятся из-под коряги. Милая моя Чара, за что же ты так со мной, почему ты бросила меня?!» – проговорил последние слова и понял, что собаки рядом нет. Она бежала обратно. Я крикнул – назад, стоять! Мне совсем не светило пехать по пустынному, схваченному сумерками парку туда-сюда. Но пришлось. Чара быстро удалялась по темной аллее. Пока я ковылял, все больше беспокоясь – в этом древнем парке какие только упыри не выползали с наступлением темноты, пуделиха появилась впереди с мячиком в зубах. И что интересно, не поступила обыкновенно – не дала мне его в руки, а всю дорогу до дома несла сама. И дома разжала челюсть неохотно. А после того, как я помыл мячик щеткой с мылом, легла в свой угол и положила морду на спасенного дружка. Она переживала, что чуть было не предала его. Я такие переживания приветствую. Но жена сделала мне выволочку. Ты же знаешь, какая Чара впечатлительная? Чтоб больше не смел портить собаке нервы. И она, как всегда, права.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.